

Пожары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Пожары. Максим Горький

Тёмной ночью февраля вышел я на Ошарскую площадь – вижу: из слухового окна какого-то дома высунулся пышный, лисий хвост огня и машет в воздухе, рябом от множества крупных снежинок, – они падали на землю нехотя, медленно.

Возбуждающе красив был огонь. Как будто в окно, под крышу дома, прыгнул из тепловатой, сырой тьмы красный зверь, изогнулся и грызёт что-то; был слышен сухой треск, так трещат на зубах птичьей кости.

Смотрел я на эти лисьи хитрости огня и думал: "Надо стучать в окна домов, будить людей, кричать – пожар!" Но кричать и двигаться не хотелось; я стоял, очарованно наблюдая быстрый рост пламени, а на коньке крыши уже мелькали петушиные перья, верхние ветки деревьев сада золотисто порозовели, и на площади стало светлее.

"Надо будить людей", – внушал я сам себе и – молча смотрел до поры, пока не заметил фигуру человека посреди площади; человек прижался к нелепой, чугунной колонне фонтана и, зрительно, был почти неотделим от неё. Я подошёл к нему. Это – Лукич, ночной сторож, кроткий старик.

– Ты что же? Свисти, буди людей!

Не отрывая глаз от огня, он сонным или пьяным голосом ответил:

– Сейчас...

Я знал, что он не пьёт, но видел в глазах его пьяную улыбку удовольствия, и меня не удивило, когда он, вполголоса, захлёбываясь словами, начал бормотать:

– Ты гляди, как хитрит, а? Ведь что делает, гляди-ко ты! Так и жрёт, так и жрёт, ну – сила! А малое время спустя назад маленький огонёчек высунулся около трубы, с долото, не больше, и начал долбить, и пошёл козырять. До чего это интересно, пожар, ах, господи...

Он сунул в рот себе свисток и, качаясь на ногах, огласил пустынную площадь режущим уши свистом, замахал кистью руки – торопливо затрещала трещотка. Но глаза его неотрывно смотрели вверх, – там, над крышей, кружились красные и белые снежинки, скопился шапкой чёрный, тяжёлый дым.

Лукич ворчал, усмехаясь в бороду:

– Ишь ты, разбойник... Ну, давай будить людей... Давай, что ли...

Мы бегали по площади, стучали в окна и двери, завывая:

– Пожа-ар!

Я чувствовал, что действую энергично, однако – неискренно, а Лукич, постучав в окно, отбегал на середину площади и, задрвав голову вверх, кричал с явной радостью:

– Пожа-ар, э-ей!

...Велико очарование волшебной силы огня. Я много наблюдал, как самозабвенно поддаются люди красоте злой игры этой силы, и сам не свободен от влияния её.

Разжечь костёр – для меня всегда наслаждение, и я готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая, слушать музыку.

Пожар на Суетинском съезде в Нижнем; горят дома над узкой щелью оврага; овраг, разрезав глинистую гору, круто спускается из верхней части города в нижнюю, к Волге. Пожарная команда не могла, по условиям местности, подъехать близко к пожару, машины и бочки воды стоят на съезде, внизу, шланги протянуты вверх по срезу оврага, а сверху падают вниз головни, катятся огненные брёвна. Густая толпа зрителей стоит на другой стороне съезда, оттуда пожар прекрасно виден, но

Пожары. Максим Горький gorki.ucoz.ru
несколько десятков людей спустились вниз, где их сердито ругают пожарные и где падающие по откосу брёвна легко могут переломать им ноги.

Чтоб видеть, как огонь пожирает старое дерево ветхих домов, люди должны неудобно задирают головы вверх, на лица им сыплется пепел, кожу кусают и жалят искры. Это не смущает людей, они ухают, хохочут, орут, отбегая от бревна, которое катится под ноги им, ползут на четвереньках по крутому срезу противоположной пожару стороны оврага и снова, чёрными комьями, прыгают вниз. Эта игра особенно увлекает солидного человека, в щегольском пальто, в панаме на голове и в ярко начищенных ботинках. У него – круглое, холёное лицо, большие усы, в руке – палка с золотым набалдашником, он держит её за нижний конец, размахивает ею, как булавой, и, отбегая от бревна, падающего сверху, орёт басом:

– Ур-ра!

Зрители подзадоривают его криками, над его головой кружится, сверкая, золотой шарик палки, на полях панамы – чёрные пятна погасших угольков, чёрной змеёй развевается под его подбородком развязавшийся галстук. Но человек этот ничего не видит и, кажется, не слышит, у него цель храбреца мальчишки: подождать, пока горящее бревно подкатится вплоть к ногам людей, и отпрыгнуть от него последним. Это неизменно удаётся ему, он очень лёгок, несмотря на высокий рост и плотное тело.

Вот-вот бревно ударит его, но – ловкий прыжок назад, и опасность миновала:

– Ур-ра-а!

Он даже несколько раз прыгал вперёд, через бревно, и за это какие-то дамы, в толпе зрителей наверху, рукоплескали ему. Их много наверху, пёстро одетых женщин, некоторые стоят, раскрыв зонты, защищаясь от красного дождя искр.

Я подумал: наверное, этот человек влюблён и показывает даме своей ловкость и бесстрашие, – достоинства мужчины.

– Ур-рра-а! – кричит он. Панама его съехала на затылок, лицо побагровело, а вокруг шеи всё развевается чёрная лента галстука.

Потрясающе ухнув, заглушив криком жадный треск огня, пожарные вырвали баграми несколько брёвен сразу, и брёвна, дымясь, сверкая золотом углей, неуклюже подпрыгивая, покатались по откосу оврага. Чем ниже, тем быстрее становилось их тяжёлое движение, вот, взмахивая концами, переваливаясь одно через другое, они бьют по булыжнику мостовой.

– Ур-ра-а, – дико кричит человек в панаме и, взмахнув палкой, перепрыгивает через бревно, а конец другого лениво бьёт его по ногам, человек, подняв руки, ныряет в землю, и тотчас же пылающий конец третьей, огромной головни тычется в бок ему, как голова огненной змеи.

Толпа зрителей гулко ахнула, трое пожарных быстро отёрнули игривого человека за ноги, подняли и понесли его куда-то, а среди горящих брёвен, на булыжнике мостовой, осталась панама, пошевелилась, поёжилась и вдруг весело вспыхнула оранжевым огнём, вся сразу...

В 96 году в Нижнем Новгороде горел "Дом трудолюбия"; в нижнем этаже его вспыхнула пакля, огонь быстро накалил железную лестницу во второй этаж и застиг там старух-работниц. Все они, кажется более двадцати, были задушены смолистым дымом и сгорели.

Я застал уже конец пожара; провалилась крыша, в огромном, кирпичном ящике с железными Решётками на окнах буйно кипел и фыркал огонь, извергая густейший, жирный дым. Сквозь раскалённое железо решётки на окнах дым вырывался какими-то особенно тяжёлыми, чёрными клубками и, невысоко вздымаясь над пожарищем, садился на крыши, угарным туманом опускался в улицы.

Со мною рядом стоял человек дурной славы, домовладелец Капитон Сысоев, крепкий здоровяк, несмотря на его пятьдесят лет и распутную, пьяную жизнь.

На бритом, скуластом лице его глубоко в костлявых ямах спрятаны узкие,

беспокойные глазки. Одет он неловко, небрежно, всё на нём как бы с чужих плеч, весь остро неприятен и, видимо, знает об этом, – он смотрит на людей вызывающе, с подчёркнутой наглостью.

А на пожар смотрел взглядом человека, для которого вся жизнь и всё в ней – только зрелище. Говорил цинично о "зажаренных" старушках и о том, что хорошо бы всех старушек сжечь. Но что-то беспокоило его, он поминутно совал руку в карман пальто, выдёргивал её оттуда, странно взмахивал ею и снова прятал, искоса поглядывая на людей. Потом в пальцах его явился маленький свёрток бумаги, аккуратно перевязанный чёрной ниткой, он несколько раз подбросил его на ладони и вдруг ловко метнул в огонь, через улицу.

– Что это бросили вы?

– Примета у меня есть одна, – ответил он, подмигнув мне, очень довольный, широко ухмыляясь.

– Какая?

– Ну нет, не скажу!

Недели через две я встретил его у адвоката Венского, кутилы, циника, но очень образованного человека; хозяин хорошо выпил и заснул на диване, а я, вспомнив о пожаре, уговорил Сысоева рассказать мне о его "примете". Прихлёбывая бенедиктин, разбавленный коньяком, – поило, от которого уши Сысоева вспухли и окрасились в лиловый цвет, – он стал рассказывать в шутилом тоне, но скоро я заметил, что тон этот не очень удаётся ему.

– Я бросил в огонь ногти мои, остриженные ногти, – смешно? Я с девятнадцати лет сохраняю остриженные ногти мои, коплю их до пожара, а на пожаре бросаю в огонь. Заверну в бумажку вместе с ними три, четыре медных пятака и брошу. Зачем? Отсюда и начинается чепуха...

– Когда мне было девятнадцать лет, был я забит неудачами, влюблён в недостижимую женщину, сапоги у меня лопнули, денег – не было, заплатить университету за право учения – нечем, а посему увяз я в пессимизме и решил отравиться. Достал циан-кали, пошёл на Страстной бульвар, у меня там, за монастырём, любимая скамейка была, сию и думаю: "Прощай, Москва, прощай, жизнь, чёрт бы вас взял!" И вдруг вижу: сидит рядом со мною эдакая толстая старуха, чёрная, со сросшимися бровями, ужасающая рожа! Вытаращила на меня глаза и – молчит, давит.

– "Что вам угодно?"

– "Дай-ко мне левую руку, студент", – так, знаете, повелительно требует, грубо...

Рассказчик посмотрел на храпевшего хозяина, оглянул комнату – особенно внимательно её тёмные углы – и продолжал тише, не делая усилий сохранить искусственно весёлый тон.

– Протянул я ей руку и – честное слово – почувствовал на коже тяжесть взгляда её выпуклых глаз. Долго она смотрела на ладонь мою и наконец говорит:

– "Осуждён ты жить" – так и сказала: "осуждён!" – "Осуждён ты жить долго и легко, хорошо".

– Я говорю ей: – "Не верю в эти штучки – предсказания, колдовство..."

– А она:

– "Потому, говорит, и уныло живёшь, потому и плохо тебе. А ты попробуй, поверь..."

– Спрашиваю, посмеиваясь:

– "Как же это можно – попробовать верить?"

– "А вот, говорит, остриги себе ногти и брось их в чужой огонь, но смотри, – в

чужой!"

- "Что значит - чужой огонь?"

- "Ну, говорит, как это не понять? Костёр горит на улице в морозный день, пожар, или сидишь в гостях, а там печь топится..."

- Потому ли, что умирать мне, в сущности, не хотелось, - ведь все мы умираем по нужде даже и тогда, когда нам кажется, что это решено нами свободно, - или же потому, что баба эта внушила мне какую-то смутную надежду, но самоубийство я отложил, до времени. Пришёл домой, остриг ногти, завернул в бумажку, ну-ко, попробую колдовство?

- Не прошло недели, как утром вспыхнул пожар на Бронной, против дома, где я жил. Привязал я к ногтям моим старый гвоздь и швырнул их в огонь. "Ну, думаю, готово! Жертва принесена, - чем ответят мне боги?" Был у меня знакомый математик, он знаменито играл на биллиарде и бил меня, как слепого. Предлагаю ему, чтоб испробовать силу колдовства: "Сыграем?" Пренебрежительно спрашивает: "Сколько очков дать вперёд?" - "Ничего, ни нуля". Можете себе представить, что со мной было, когда я обыграл его! Помню - ноги дрожали от радости и точно меня живую водой sprysнуло. "Стой, думаю, в чём дело? Совпадение?"

- Иду к моей недосыгаемой даме, - а вдруг и у неё выиграю? Выиграл, и с такой необыкновенной лёгкостью, это испугало меня, да - так, что я даже сна лишился. Ещё одно совпадение? Живу между двух огней: между любовью, первой, жадной, и - страхом. По ночам вижу эту бабу: стоит где-нибудь в углу и требовательно смотрит на меня тяжёлым взглядом, молча двигает бровями. Сказал возлюбленной моей, а она была, как все актрисы, - а плохие особенно, - суеверна, разволновалась страшно, ахает и убеждает: стриги ногти, следи за пожарами! Я - стригу и обрезки храню, ни на минуту не забывая, что всё это глупо и что, может быть, вся штука в том, что, когда человек потерял веру в себя, ему необходимо запастись верой в какую-нибудь тёмную ерундищу. Но соображение это не гасит тревоги моей. Накопил я обрезков ногтей порядочно, бросил в огонь, и - снова чертовщина: является ко мне лысенький человечек с портфелем. "У вас, говорит, в Нижнем Новгороде померла двоюродная тётка, девица, и вы единственный наследник её". Никогда ничего не слышал я о тётке и вообще родственниками был беден, так же, как они - деньгами. Да и было их всего двое: дед со стороны матери, в богадельне, да какой-то многодетный дядя, торемный инспектор, которого я никогда не видал. Спрашиваю лысенького: "Вы не дьявол будете?" Обиделся: "Нет, говорит, я частный поверенный и тётки вашей старый друг". - "А может, говорю, вас старуха прислала?" - "Ну, да, говорит, конечно, старуха, ей пятьдесят семь лет было". Смотрю на него почти с ненавистью и предупреждаю: "Платить мне за труды ваши - нечем". - "Заплатите, когда я введу вас во владение имуществом". Чрезвычайно гнусный старичок, навязчивый такой, надутый и явно презирал меня. Привёз он меня сюда, и очутился я домовладельцем. Почему-то мне казалось, что получу я деревянный домик в три окна, пятьсот рублей деньгами и корову, но оказалось: два дома, магазины, склады, квартиранты и прочее. Богато. Но чувствую я себя неладно, управляет жизнью моей какая-то чужая, таинственная воля, и растёт у меня эдакое особенное отношение к Его Сиятельству - огню: отношение дикаря к существу, обладающему силою обрадовать и уничтожить. "Нет, думаю, чёрт меня возьми, этого я не хочу, нет!" И начал превращать богатства мои в дым и пепел: завертелся, как пёс на цепи, закутил. А ноготки стригу, храню и на пожарах бросаю в "чужой огонь". Не могу точно сказать вам, зачем делал это и верил ли я в колдовство, но бабищу забыть не мог и не забыл до сего дня, хотя, надеюсь, она давно уже скончалась. Одолело меня эдакое жуткое любопытство в чём дело? Университет бросил, живу скандально, чувствую в себе эдакую беспокойную дерзость, всячески испытываю терпение полиции, силу здоровья, благосклонность судьбы. И всё сходит мне с рук благополучно. Но вместе с этим кажется мне: вот кто-то придёт и скажет: "Пожалуйста!" Кто придёт, куда поведёт - не знаю, но - жду. Начал читать Сведенборга, Якова Беме, Дю-Преля - ерунда. Явная ерундища, даже обидно. А ночью проснусь и - жду. Чего? Вообще. Ведь если одна чертовщина возможна, почему же не быть другой, ещё хуже или ещё лучше? Решительно ничего не делаю в поощрение удач и удивляюсь: почему я не схожу с ума? Богатый холостяга, женщины любят, в карты играю до отвращения удачно. И даже среди друзей - ни одного негодяя, ни одного жулика, все пьяницы, но - порядочные люди. Так жил я до сорока лет, а в эти годы каждый мужчина должен пережить некий кризис, - будто бы это обязательная повинность. Жду кризиса.

Пожары. Максим Горький gorki.ucoz.ru

- В Киеве, на контрактах, повздорил я с каким-то гонористым поляком, он меня вызвал на дуэль. Ага, вот он, кризис! Накануне дуэли пожар на Подоле, загорелись какие-то еврейские лачуги. Поехал я на пожар, бросил ногти в огонь и мысленно требую, чтобы завтра убили меня или тяжело ранили, по крайней мере. Но вечером в тот же день мой поляк ехал верхом, а лошадь испугалась чего-то, сбросила поляка, он переломил себе правую руку и разбил голову. Извещает меня об этом секундант его, я спрашиваю: "Как это случилось?" - "Старуха какая-то бросилась под лошадь". Старуха? Старуха, чёрт вас возьми? Совпадение, дьяволы?

- Тут, первый и единственный раз в жизни, я испытал припадок какой-то бешеной истерии, и меня отправили в Саксонию, в горы, в санаторию. Там я рассказал всё это профессору. "О, - говорит немец, - это интереснейший случай". И определил случай, как насекомое, по латыни. Потом он поливал меня водой, гонял по горам месяца два, толка из этих прогулок не вышло. Чувствую я себя скверно и скучаю о пожарах. Понимаете? Скучаю. О "чужом огне". И - коплю остриженные ногти. Сам внутренне усмехаюсь: ведь - ерунда же всё это, дрянь и пакость. А дома я уже заложил, деньги у меня на исходе. "Ну-ко, что теперь будет?" - думаю. Путешествую. Нюрнберг, Аугсбург скучно. Сидя в вестибюле гостиницы, бросил ногти в камин. Через день, лежу в постели, ночью, стучат в дверь: телеграмма, один из трёх моих билетов внутреннего займа выиграл пятьдесят тысяч, а другой - тысячу. Помню, сидел я в постели, озирался и ругал кого-то дикими словами. Страшно было мне, как никогда, так глупо, по-бабьи страшно.

- Ну, всю эту ерундовую канитель долго рассказывать, да и однообразна она. Тридцать четыре года живу я в ней. Честное слово - я делал всё для того, чтоб разориться, свернуть себе голову, но, как видите, благополучен. В конце концов я устал от этого и махнул рукою: будь что будет!

Ему, видимо, стало тяжело, скуластое лицо обиженно и сердито надулось, узенькие, зоркие глазки потускнели.

- И всё ещё бросаете ногти в огонь? - спросил я.

- Ну, а - чем же мне жить, чего ждать? Ведь должна же кончиться эта идиотская чертовщина? Или - нет? Может быть, я и не умру никогда?

Он усмехнулся и закрыл глаза. Потом, закурив сигару, глядя на конец её, сказал негромко:

- Химия - это химия, но всё-таки в огне скрыто, кроме того, что мы знаем, нечто, чего нам не понять. И прячется огонь невероятно искусно. Так - никто не прячется. Кусочек прессованного хлопка или несколько капель пикриновой кислоты, несколько гран гремучей ртути, а между тем...

Он щёлкнул языком и замолчал.

- Мне кажется, - сказал я, - что всё это очень удачно объяснено вами в словах: когда нет веры в свои силы, нужно верить во что-нибудь вне себя. Вот вы и поверили...

Он утвердительно кивнул головой, но, очевидно, не понял или не слышал моих слов, потому что спросил, нахмурясь:

- Но - ведь глупо же это? Зачем ему нужны мои ногти?

Года через два он умер на улице от "паралича сердца", как сказали мне.

Священник Золотницкий за какие-то еретические мысли тридцать лет просидел в монастырской тюрьме, кажется - в Суздале, в строгом одиночном заключении, в каменной яме. В медленном течении одиннадцати тысяч дней и ночей единственной утехой узника христолюбивой церкви и единственным собеседником его был огонь: еретику разрешали самосильно топить печку его узилища.

В первых годах столетия Золотницкого выпустили на свободу, потому что он не только забыл своё еретичество, но и вообще мысль его не работала, почти угаснув. Высушенный долголетним заключением, он мало чем напоминал жителя поверхности земли, ходил по ней низко склоня голову и так, как будто он идёт всё время вниз, и опускается в яму, ищет, куда бы спрятать хилое, жалобное своё. Мутные глаза

Пожары. Максим Горький gorki.ucoz.ru

его непрерывно слезились, голова тряслась, и бессвязная речь была непонятна. Волосы бороды уже не седые, а "впрозелень"; зеленоватый, гнилой оттенок волос был ясно заметен даже на тёмных щеках тряпичного, старческого лица. Полуумный, он, видимо, боялся людей, но из боязни пред ними скрывал это. Когда с ним заговаривали, он поднимал сухонькую, детскую руку так, как будто ждал удара по глазам и надеялся защитить их этой слабой, дрожащей рукою. Был он тих, говорил мало и всегда вполголоса, робко шелестящими звуками.

Он вышел из тюрьмы огнепоклонником и оживлялся только тогда, если ему позволяли разжечь дрова в печке и сидеть пред нею. Усаживаясь на низенькой скамейке, он любовно зажигал дрова, крестил их и ворчал, трясая головою, все слова, какие уцелели в памяти его:

- Суций... Вечный огонь. Иже везде сый. Попаляй грешные...

Тыкал горящие поленья коротенькой кочергою, качался, как бы готовясь сунуть в огонь голову свою; воздух тянул в печь зелёные, тонкие волосы его бороды.

- Всесилен есть. Никому же подобен. Лик твой да сияет во веки веков. И бегут... Тако да бегут... От лица огня... Яко дым от лица огня... Тебе хвала, тебе слава, купина...

Его окружали сердобольные люди, искренно изумлялись и тому, до чего можно замучить человека, и тому, как всё-таки живуч и вынослив человек.

Велик был ужас Золотницкого, когда он увидел электрическую лампочку, когда пред ним таинственно вспыхнул белый, бескровный огонь, заключённый в стекло.

Старик, присмотревшись, замахал руками и жалобно стал бормотать:

- И его - ох! - и его... Почто вы его? Не дьявол ведь! Ох, - почто?

Долго не могли успокоить старого узника; из его мутных глаз текли маленькие слезинки, весь он дрожал и, горестно вздыхая, уговаривал окружающих:

- Ой, рабы божие... - почто? Лучик солнечный в плен ввергли... Ох, людие! Ох, побойтесь гнева огненного...

И дрожащей сухонькой рукою он осторожно дотрагивался до людей, всхлипывал:

- Ой, пустите его...

...Мой патрон А.И.Ланин, войдя в кабинет, сказал раздражённо и устало:

- Был в тюрьме, у подзащитного, оказался такой милый, тихий парень, но - обвиняется в четырёх поджогах. Обвинительный акт составлен убедительно, показания свидетелей тяжёлые. А он, должно быть, запуган, очумел, молчит. Чёрт знает, как я буду защищать его...

Через некоторое время, сидя за столом и работая, патрон, взглянув в потолок, сердито повторил:

- Наверное, парень невиновен...

А.И.Ланин был опытный и счастливый защитник, он красиво и убедительно говорил на суде; раньше я не замечал, чтоб судьба подзащитного особенно волновала его.

На другой день я пошёл в суд. Дело о поджоге слушалось первым. На скамье подсудимых сидел парень лет двадцати, в тяжёлой шапке рыжеватых, кудрявых волос. Очень белое "тюремное" лицо, широко раскрытые серо-голубые глаза, золотистые, чуть намеченные усики и под ними ярко-красные губы. Серый халат обидно искажает парня, его хочется видеть в малиновой рубаше, плисовых шароварах (плис - бумажный бархат, иногда бумажная ворса, по льняной основе - Ред.) в сапогах "с набором" (т.е. с мелкими складками на голенищах - Ред.), с гармоникой или балалайкой в руках. Когда председательствующий В.В.Бер или обвинитель обращаются к подсудимому с вопросами, он быстро вскакивает и, запахивая халат, отвечает очень тихо.

- Громче, - говорят ему.

Он откашливается, но говорит всё так же тихо. Это сердит судей, сердит присяжных. В зале скучно и душно, мотылёк бьётся о стекло окна, и этот мягкий звук усиливает скуку.

- Итак, вы не сознаётесь?

Перед судьями длинный, одноглазый старик, лицо у него железное, от ушей с подбородка висят прямые седые волосы. На вопрос, чем он занимается, старик глухо, могильно отвечает:

- Христа ради живу...

Потом, склонив голову набок, он гудит:

- Шёл я из города, сильно запоздавши, солнышко давно село, и подхожу к ихой деревне, и вот светится маленько в темноте-то, да вдруг - как полыхнёт...

Обвиняемый сидит, крепко держась за край скамьи, и, приоткрыв рот, внимательно слушает. Взгляд его странен, светлые глаза сосредоточенно смотрят не в лицо свидетеля, а в пол, под ноги его.

- Я - бежать, а он - чешет...

- Кто?

- Огонь, пожар...

Обвиняемый качнулся вперёд и спросил неожиданно громко, с явным оттенком презрения, насмешки:

- Это когда же было?

- Сам знаешь когда, - ответил нищий, не взглянув на него, а парень встал, строго нахмутив брови и говоря:

- Врёт он; с дороги из города не видать того места, где загорелось...

В него вцепился обвинитель, остроносенький товарищ прокурора; взвизгивая, он стал кусать парня вопросами, но тот снова отвечал тихо, неохотно, и это ещё более восстановило суд против его. Так же неясно, нехотя обвиняемый отвечал и на вопросы защитника.

- Продолжайте, свидетель, - предложил Бер.

- Бегу, а он прыг через плетень прямо на меня.

Парень усмехнулся и что-то промычал, двигая по полу ногами в тяжёлых "котах" арестанта.

Нищего сменил толстый мужик, быстро и складно, весёлым тенорком он заговорил:

- Давно у нас догадка была на него, хоша он и тихий, и некурящий, ну, заметили мы однако: любит баловать с огнём... Еду я из ночного, облачно было, вдруг у шабра (шабёр - сосед - Ред.) на гумне ка-ак фукнет, вроде бы из трубы выкинуло...

Обвиняемый, толкнув локтем солдата тюремной команды, вскочил на ноги и отчётливо, с негодованием почти закричал:

- Да - врешь ты! Из трубы, - эх! что ты знаешь? Чать не сразу бывает фукнуло, полыхнуло! Слепые. Сначала - червячки, красные червячки поползут во все стороны по соломе, а потом - взбухнут они, собьются, скатятся комьями, вот тогда уж и полыхнёт огонь. А у вас - сразу...

Лицо его покраснело, он встряхивал головою и сверкал глазами, очень возбуждённый, говоря поучительно и с большой силою. Судьи, присяжные, публика -

все замерли, слушая, А.И.Ланин, привстав, обернулся к подзащитному и удивлённо смотрел на него. А он, разводя руки кругами и всё шире, всё выше поднимая руки, увлечённо рассказывал:

- Да - вот так, да - вот так и начнёт забирать, колыхается, как холст по ветру. В это время у него повадка птичья, тут уж его не схватишь, нет! А сначала - червяки ползут, от них и родится огонь, от этих красных червячков, от них - вся беда! Их и надо уследить. Вот их и надо переловить да - в колодцы. Переловить их - можно! Надо поделывать сита, железные, частые, как для пшеничной муки, ситами и ловить, да - в болото, в реки, в колодцы! Вот и не будет пожаров. Сказано ведь: "Упустишь огонь - не потушишь". А - они, как слепые всё равно, врут...

Ловец огня тяжело шлёпнулся на скамью, потряс головой, приводя в порядок растрепавшиеся кудри, потом высморкался и шумно вздохнул.

Судебное следствие покатилося, как в яму. Подсудимый сознался в пяти поджогах, но озабоченно объяснил:

- Быстры они больно, червячки-то, не устережешь их...

В.В.Бер скучно сказал обычную фразу:

- Ввиду полного сознания подсудимого...

Защитник возбудил ходатайство о психиатрической экспертизе, судьи пошептались и отказали ему. Обвинитель произнёс краткую речь, Ланин говорил много, красноречиво, присяжные ушли и через семь минут решили:

- Виновен...

Задумчиво выслушав суровый приговор, осуждённый, на предложение А.И.Ланина обжаловать решение суда, сказал равнодушно, как будто всё это не касалось его:

- Ну, что ж, пожалуйте, можно...

Солдат, вкладывая саблю в ножны, что-то шепнул парню, парень, резким движением запахнув халат, ответил громко:

- Я ж говорю: как слепые...

В 93 или 94 году за Волгой, против Нижнего Новгорода, горели леса, огонь охватил сотни десятин. Горький, опаловый дым стоял над городом, в дыму висело оранжевое солнце, без лучей, жалкое, жуткое; особенно неприятно было видеть, как тусклое отражение ошипанного солнца колеблется в мутной воде Волги, как бы нехотя опускаясь на грязное дно её.

Луга за Волгой окрасились в бурый цвет, в городе тоже все краски поблекли. В дымной, чадной мгле всё звучало глуше, сады обеднели пчёлами, бабочками, и даже неукротимо бойкие воробьи стали тише чирикать, медленней летать.

Тяжело было смотреть, как за Волгой снижается обесцвеченное солнце, уходя в землю, а пышных красок вечерней зари - нет. По ночам из города видно: над чёрной стеной дальнего леса шевелит зубчатым хребтом огненный дракон, ползёт над землёй и дышит в небо чёрными облаками, напоминая Змея Горыныча древних сказок.

Дым наполнял улицы, просачивался в комнаты домов, город превратился в коптильню людей. Ругаясь, кашляя, люди по вечерам выходили на крутой берег реки, на Откос и, глядя на пожар, ели мороженое, пили лимонад, пиво, убеждая друг друга, что это мужики подожгли леса. Кто-то мрачно сказал:

- Первая репетиция пьесы "Гибель земли".

Знакомый поп, глядя в даль красными глазами пьяницы, бормотал:

- Апокалипсическая штука... а пока выпить надо...

Шутки казались неуместными, очень раздражали, и всё, что говорилось в эти мутные, удушливые дни, как-то особенно едко обнажало нищету и скуку обыденной

жизни.

Пехотный офицер, мечтатель, сочинявший "Ботанику в стихах для девиц среднего возраста", предложил мне ехать с ним на пожар, - там работала часть солдат его роты. Мы поехали душной ночью на паре обозных лошадей, паром перевёз нас в село Бор, и сытые лошади, сердито фыркая, побежали по песчаной дороге в чадную мглу. Недвижимо обняв тихие поля, она кутала дали серой кисеей, сквозь неё медленно пробивался скучный рассвет, и чем ближе к лесам подъезжали мы, тем более голубел дым, горько царапая горло, выедавая глаза.

Солдат на козлах громко чихал, а офицер, протирая пенсне, покашливая, хвастал красотой своих стихов, отважно рифмуя гелиотроп и гроб.

Трое мужиков с лопатами и топорами уступили нам дорогу, пехотный поэт крикнул им:

- Где работает воинская часть?

- Не знаем...

Солдат, придерживая лошадей, спросил:

- Где тут солдаты?

Мужик в красной рубахе указал топором влево от дороги:

- А - эвон...

Через несколько минут мы подкатились к перелеску, в густой чаще ельника и сосняка возились люди в белых рубахах, подбежал фельдфебель и, козыряя, отчеканил, что всё благополучно, только чувашин обжёгся немного. Затем он "осмелился доложить", что, по его разуму, работать здесь бесполезно:

- Место погибшее, огонь идёт верхом, полукольцом, сожжёт клинушек этот, а дальше ему есть нечего, сам погаснет...

И, указав длинной рукою вправо, предупредил:

- А там - торфяник, сухое болотце, там огонь низом ползёт сюда. Люди беспокоятся...

Офицер тоже обеспокоился, видимо, не зная, как нужно распорядиться, но тут из леса медведем выломился большой, бородатый мужик, с палкой в руке, с медной бляхой на груди, снял шапку, осеянную пеплом, и замер, глядя на офицера немым взглядом синих глаз.

- Староста?

- Так точно.

- Ну, что?

- Горит.

- Надо бороться с огнём, - посоветовал офицер. - Лес - наше богатство. Да... Лес, это, брат, не просто деревья, а - общество разумных существ, как, например, ваше село...

- У нас - деревня...

По земле, под ногами у меня, тёмной, кружевной полосой ползли муравьи, обегая навозного жука, он поспешно катил свой шарик. Я пошёл посмотреть, откуда переселяется муравейник. Странный хруст колебался вокруг, некто невидимый шёл рядом со мною, приминая траву, шелестя хвоей. И в движении ветвей было что-то неоправданное, непонятное.

Сзади меня очутился староста, жалуясь:

Пожары. Максим Горький gorki.ucoz.ru

- Третьи сутки гуляю. Начальство будете? А-а, поглядеть желательно? Это - ничего! Идёмте, и вас на холмик провожу, недалеко тут, с него хорошо видать...

Песчаный холм осеняли десятка два мощных сосен, кроны их, точно чаши, были налиты опаловой мутью. Перед холмом, в котловине, рассеянно торчали чахлые ёлки, тонкоствольные берёзы, серебристая осина трепетала пугливо; дальше деревья соединялись всё плотнее, и между ними возвышались сосны, покрытые по бронзовым стволам зеленоватой окисью лишаёв.

У корней деревьев бегали, точно белки, взмахивая красными хвостами, весёлые огни, курился голубой дымок. Было хорошо видно, как огонь, играя, влезает по коре стволов, извивается вокруг их, прячется куда-то, а вслед за ним ползут золотые муравьи, и зеленоватые лишай становятся серыми, потом чернеют. Вот снова откуда-то выбежал огонь, грызёт порывшую траву, мелкий кустарник и - прячется. И вдруг между корней кружится, суетится целая толпа красных бойких зверьков.

Опираясь руками на палку, староста ворчит:

- Наши там... спаси бог...

Людей не видно, но сквозь хруст, шорох и отдалённый глухой вой доносились из леса дробные удары топоров, гулкое уханье и тяжкий, скрипучий шум падения деревьев. Тёмненьким комочком подкатилась под ноги мне полевая мышь, белым мячом мелькнул по болоту зайчонок.

А щёбета птиц не слышать, хотя леса Заволжья богаты певчей птицей. И ни пчёл, ни шмелей, ни ос в тяжёлом воздухе, в синеватой, опьяняющей, жаркой мгле. Было грустно видеть, как зелёное мёртво сереет или покрывается рыжей ржавчиной и часто, не вспыхнув огнём, листья осины сыплются на землю пепельными бабочками, жалобно обнажая тонкие ветки. Но иногда лист, иссушенный жаром, вдруг весь вспыхнет и осыпается сотнями жёлтых и красных мотыльков. Я видел, как нижние лапы пышных елей там, далеко, быстро теряют бархатный, тёмно-зелёный лоск, рыжеют, ржавеют и, сразу озолотясь, брызгают во все стороны густым дождём красноватых искр, похожих на запятые. Вот искры с лёгким, весёлым треском дружно взвились вверх, осяв всю пирамиду ёлки, взвились, исчезли, а дерево стало чёрным, и лишь кое-где на концах голых веток мелькают маленькие, жёлтые цветы огней. Вот ещё так же быстро расцвела и погибла ель, ещё и ещё... Что-то прозвучало, лопнув, как гнилое яйцо, и по болоту, извиваясь, поползли во все стороны красно-жёлтые змеи, поднимая из травы острые головки, жала стволы деревьев. Быстро желтел мелкий берёзовый лист, когда по белому стволу, по смолистым стружкам коры гибко вползал огонь, ветви курились синим дымом, удивительно красиво вились, тихонько посвистывая, его тонкие струйки. И в тихом свисте горения, казалось, звучат начала каких-то песен, странных и глубоких.

Непобедимо влекло вперёд, ближе и ближе к огню. Староста ахал и тоже незаметно спускался с холма, помахивая палкой, восклицая:

- А, господи, чудеса твои... ах ты, господи!

Гул в лесу вдруг замолк, его сменил тревожный волчий вой:

- У-у-у...

- Побежали, - сказал староста, прислушиваясь, хмурясь.

И - точно: слева от нас, далеко, в деревьях замелькали фигуры людей; их словно выбрасывало из леса, так быстро выскакивали они. А справа, на болоте, явилось два солдата, в сапогах, серых от пепла, в рубахах без поясов; он вели коротконового мужика, держа его под руки, как пьяного. Мужик фыркал и плевался, кропя востропанную бороду и разорванную рубаху свою брызгами крови; нос и губы у него были разбиты, а неподвижные, точно слепые, глаза улыбались жалкой ребячьей улыбкой.

- Куда это вы его? - строго спросил староста.

Солдат-татарин, добродушно ухмыляясь, ответил:

- Поджог делал, огонь тащил место на местах!

Его товарищ сердито добавил:

- Поджигал, мы видели! Раздувал.
- Ну-у, видели, как жа-а! Закуривал я...
- Нам за вами приказано глядеть, а он зажёг ветку и подкладывает...
- Ну-у, ка-ак жа-а! Зажёг! К сапогу пристала...

Солдат ударил мужика по шее.

- Нет, погоди, ты не бей, - внушительно сказал староста. - Этот - наш мужик. Этот мужик, я тебе скажу, не в разуме...
- Сади его на цепь...

Сердито, но неохотно заспорили, а по болоту кружились огни, встречая мужиков, бежавших из лесу. Человек семь, тяжело подпрыгивая, направлялось к нам, вот они подбежали и свалились на песок у холма, кашляя, хрипя, ругаясь.

- Чуть не захватило...
- Птицы сколь погибло...

При виде злых, измученных мужиков солдаты стали миролюбивее и, оставив избитого ими, ушли сквозь тёплый дым, - он становился синее и всё более едким. По болоту хлопотливо бегали огоньки, окружая стволы деревьев, блекла и скручивалась, желтея, листва ольхи и берёз, шевелились лишай на стволах сосен, превращаясь во что-то живое, похожее на пчёл.

На холме стало жарко, трудно дышать, мужики, передохнув, один за другим уходили в чащу, выше на холм; староста угрюмо журил избитого:

- Завсегда у тебя скандал, Микита. Ни пожар, ни крестный ход, ничего тебе не скушно...

Мужик молчал, ковыряя чёрным пальцем передние зубы.

- И верно, что на цепь тебя сажать надобно...

Вынув палец изо рта, мужик крепко вытер его подолом рубахи. Он ворочал головою, неподвижные глаза его шарили по болоту, следя за струйками дыма. Всё болото курилось, всюду из чёрной земли возникали голубые и сизые кудри дыма. И везде, вслед за ними, из торфа острым бугорком выскакивал огонь, качался, кланялся, исчезал, на месте его являлось красновато-золотое пятно, и во все стороны от него тянулись тонкие, красные нити, сами собою связываясь в узлы новых огней.

Вдруг у подножия холма вспыхнул неопалимой купиною куст можжевельника, староста, взмахнув палкой, попятился. (Купина неопалимая - в библейской мифологии горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором бог Яхве явился к Моисею, призывая его вывести соплеменников из египетского плена в обетованную землю - Ред.)

- Ишь ты, как... Уходить надо отсюда...

И, тяжело шагая по песку между сосен, он ворчал:

- Хожу вот, а - чего хожу? Что может сделать человек против такого огня? А своя работа стоит! Может, не мене тыщи людей время теряют эдак-то вот...

Спустились по зарослям кустарника в ложину, на дне её тускло блестел ручей, дым здесь осел гуще, и даже ручей казался густою струёй дыма. Поднялась из травы куропатка и камнем упала в кусты, быстро прополз маленький ужишка, а за ним к ручью скатился комком ёж.

- Догонит, - сказал Никита и быком, наклоня голову, полез сквозь кусты.

Пожары. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Ты, гляди, не дури, - крикнул ему староста и, сбоку осторожно взглянув на меня, заговорил:

- Не в разуме маленько он. Троекратно горел, ну, и того... Солдаты, конечно, хвастают, поджогами он не занимается, ну, всё-таки разум свихнулся, к озорству тянет...

Дым выедал глаза, они заливались слезами, крепко щекотало в носу, и было трудно дышать. Староста громко чихнул, озабоченно оглянулся, помахивая палкой.

- Скажи на милость, куда его метнуло.

Впереди нас по можжевельнику в ложину воробьиными прыжками спускались огоньки, точно стая красногрудых снегирей, в траве бойко мелькали остренькие крылья, кивали и прятались безмолвно птичьи головки.

- Микита? - крикнул староста и прислушался. Был слышен сухой хруст, предостерегающее шипение и тихонький свист. Где-то, очень далеко, шумели люди.

- Пёс, - сказал староста. - Не сгорел бы. Ему огонь - как пьянице вино. Где пожар - он первый бежит сломя голову. Прибегёт, вытаращит глаза и стоит, как всё равно гвоздями пришитый к земле. Ни помочь людям, ничего, стоит и стоит, ухмыляется. Бивали его за это. Прогонят с одного места, он на другом приклеится. Полонён огнём...

Оглядываясь назад, я видел, что огни, спускаясь всё ниже, торопятся поспеть вслед за нами, а вода ручья, кое-где покраснев, светится золотом.

- Мики-ита-а?

Встречу ним, лесом, бежал кто-то, староста остановился, протирая слезящиеся глаза, из-за деревьев выскочил парень без рубахи, она была наворачена на голове его чалмою.

- Куда гонишь?

Сильно двигая рёбрами, отмахивая рукою назад, парень задыхался, бормотал:

- Там все разбежались... верхом пошло... не ходите туда. Сразу настигло... Ух, испугался я, господи...

- Ну, куда ж тут идти? - сам себя спросил староста. - Айдайте прямо, что ли! Не знаем мы этот лес, зря согнали нас сюда. Плутай тут, а - какой толк? Только одним живёшь, как бы от начальства укрыться.

Он говорил всё более озлобленно.

- Житьё! Утопленник ли, покойника ли, жертву убийства, найдут где, на дороге, лес ли горит, - на всякий этот случай требуется мужик. А у него своё дело! Он чего требует? Одно: дайте ему спокой жизни. Боле ничего... Микита-а? Чёрт бы те драл...

Пройдя с версту редким, молодым сосняком, мы вылезли на поляну, на ней сидело и лежало полсотни мужиков, несколько баб принесли на коромыслах ведра квасу, хлеб. Увидав старосту, люди хором завывали:

- Долго мы тут дым глотать будем? Работа у нас...

Синеватые дымки ползали в траве, гладили заступы, топоры. Сверху дождём сыпался мелкий, серый пепел, невидимый в опаловой мгле, от него посерели бороды мужиков, посерела трава и широко распостёртые лапы сосен покрылись как бы пенькою. Это был верный признак, что пожар идёт верхом.

- Убирайся отсюда! - командовал староста. - Иди в поле...

Мужики тяжело поднялись и, покрякивая друг на друга, на баб, пошли просекой в бесконечную серую дыру.

Вплоть до ночи бродил я с ними по лесу и полю, вокруг нас воинственно гарцовали на сытых лошадях двое урядников, бестолково перегоняя толпу с места на место. Один из них, чёрненький, бойкий, размахивая нагайкой, кричал:

- Дьяволы, небойсь, как бы ваше горело...

Вечером я лежал в поле на сухой, жаркой земле, - смотрел, как над лесом набухает, колеблется багровое зарево и Леший кадит густым дымом, принося кому-то обильную жертву. По вершинам деревьев лазили, перебежали красные зверки, взмывали в дым яркие, ширококрылые птицы, и всюду причудливо, волшебным образом играл огонь, огонь.

А ночью лес принял неопишимо жуткий, сказочный вид: синяя стена его выросла выше, и в глубине её, между чёрных стволов, безумно заметались, запрыгали красные, мохнатые звери. Они припадали к земле до корней и, обнимая стволы, ловкими обезьянами лезли вверх, боролись друг с другом, ломая сучья, свистели, гудели, ухали, и лес хрустел, точно тысячи собак грызли кости.

Бесконечно разнообразно строились фигуры огня между чёрных стволов, и была неутомима пляска этих фигур. Вот, неуклюже подпрыгивая, кувыркаясь, выкатывается на опушку леса большой, рыжий медведь и, теряя клочья огненной шерсти, лезет, точно за мёдом, по стволу вверх, а достигнув кроны, обнимает ветви её мохнатым объятием багровых лап, качается на них, осыпая хвою дождём золотых искр; вот зверь легко переметнулся на соседнее дерево, а там, где он был, на чёрных, голых ветвях зажглись во множестве голубые свечи, по сучьям бегут пурпуровые мыши, и при ярком движении их хорошо видно, как затейливо курятся синие дымки и как по коре ствола ползут, вверх и вниз, сотни огненных муравьёв.

Иногда огонь выползал из леса медленно, крадучись, точно кошка на охоте за птицей, и, вдруг подняв острую морду, озирался - что схватить? Или вдруг являлся сверкающий, пламенный медведь-овсяник и полз по земле на животе, широко раскидывая лапы, загребая траву в красную, огромную пасть.

Выбегала из леса толпа маленьких человечков в жёлтых колпаках, а вдали, в дыму, за ними, шёл кто-то высокий, как мачтовая сосна, дымный, тёмный, - шёл, размахивая красной хоругвью, и свистел. Прыжками, как заяц, мчитесь куда-то из леса красный ком, весь в огненных иглах, как ёж, а сзади его машет по воздуху дымный хвост. И по всем стволам на опушке леса ползают огненные черви, золотые муравьи, летают, ослепительно сверкая, красные жуки.

Воздух всё более душен и жгуч, дым - гуще, горчей, земля всё жарче, сохнут глаза, ресницы стали горячими, и шевелятся волосы бровей. Сил нет лежать в этой жгучей, едкой духоте, а уйти не хочется: когда ещё увидишь столь великолепный праздник огня? Из лесу, горбато извиваясь, выползает огромная змея, прячется в траве, качая острой башкой, и вдруг пропадает, как бы зарываясь в землю.

Я съёживаюсь, подбираю ноги, ожидая, что змея сейчас появится где-то близко, это она меня ищет. И жуткое сознание опасности опьяняет, мучает ещё более остро, чем жара, дым.

...Облака на западе грубо окрашены синим и рыжим. В жемчужном небе, над мохнатой ватагой ельника, повис истаявший, почти прозрачный обломок луны. Ельник разбрёлся по болоту, дошёл до горизонта и сбился в тёмную кучу, - там ему грозит красным каменным пальцем труба фабрики.

В полдень пролил обильный дождь, а потом, вплоть до вечера, землю сушило знойное солнце; теперь земля сыра, воздух влажно душен. Болото вспухло скукой; скука тоже влажная, потная.

Фельдшер Саша Винокуров ходит медведем, на четырёх лапах, по холму, засеянному рожью, ставит сеть на перепелов, а я лежу под кустом калины и думаю вслух:

- Хорошо бы начать жизнь сначала, лет с пятнадцати...

Продолжая беседу, Саша говорит жирным шёпотом:

- Существующая обстановка жизни - никому не нравится.

Он скатился с холма под куст ко мне, вытер испачканные грязью ладони о голенища сапог и осматривает "манки" – перепелиные дудки. По лбу его, на лысину, вздымаются волнистые морщины, глаза округлились, точно у рыбы.

Он – интересный. Сын судейского чиновника, он, "не в силах поднять тяжесть гимназической науки и гонимый варварством отца", убежал из дома, года два путешествовал по тюрьмам и этапам, как безымянный бродяга, затем "измученный до потери памяти даже о том, чего нельзя забыть", возвратился к отцу, "был сунут, как мёртвая мышь в муравьиную кучу", вольноопределяющимся в пехотный полк и попал в школу военных фельдшеров. Отслужив положенный срок в солдатах, семь лет плавал на пароходах "Добровольного флота" и

– Пил всемирные алкогольные напитки, не потому, что пьяница, а – надо чем-нибудь заявить людям об оригинальности характера! Пил в таком количестве, что на меня приходили смотреть даже англичане. Стоят истуканами, пожимают плечами, улыбаются, им – лестно: вот это потребитель! Есть для кого джин и виски делать. Один даже намекнул мне: "А вы, говорит, не пробовали ванну брать из виски?" А впрочем, англичане хороший народ, только язык у них хуже китайского...

– Незаметно для себя очутился я в Персии, женатым на горничной английского купца; очень милая женщина, но – оказалась пьяница, а может быть, что я её споил. Через два года она скончалась от холеры, а я перебрался в самый безобразный город на свете, в Баку, потом – сюда, в этот лягушатник. Тоже – город, чёрт его раздери на тонкие полоски.

– Саша, – прошу я, – расскажите, как вы путешествовали в Китай?

– Путешествуют обыкновенно: садятся на пароход, остальное – дело капитанов, – говорит он, разбирая дудки. – А капитаны – все пьяницы, ругатели и драчуны, таков закон их природы. Дайте папироску!

Зажёг папиросу, понюхал одной ноздрёю струйку дыма.

– Табачок – легковейный, пур ля дам (дамский (искаж. франц.) – Ред.)

Винокурову за пятьдесят, но это человек крепкий. Его солдатское, деревянное лицо освещают ясные глаза; взгляд их спокоен, – взгляд человека, который много видел, отвык удивляться и чужд тревог. Смотрит он как-то через людей, мимо их, относится к ним снисходительно, немножко по-барски. Он не занимается медициной:

– Догадался, что медицина – наука слепая.

У него в городе – "кефирное заведение и торговля болгарской сывороткой с доставкой на дом по способу И. Мечникова".

– Расскажите что-нибудь, – настаиваю я.

– Удивляюсь вашей ненасытности! И куда вы складываете всю эту труху слов людских? Что же рассказать?

– Что видели.

Н-ну-у! Это – на год. Видел я всё, что полагается, все препятствия. Почему – препятствия? А – как это назвать? Отчалит пароход от пристани, перекрестись, ну, везите куда назначено. И плывёшь день, ночь, день, ночь; кругом – пустота моря и небес, а я человек спокойный, мне это нравится. Однако – гудок, значит: приехали куда-то. Остановка эта и кажется препятствием. Как будто – шёл ночью и вдруг наткнулся на забор.

– Н-ну, тотчас на палубе начинается истерическая суета этих бесподобных пассажиров. Пассажиры – совершите особенный тип народа, самый бессмысленный тип. Человек в море, на палубе судна, приобретает смешную детскость, не говоря о том, что почти всех унижительно тошнит. И вообще – в море замечаешь, что человек – ещё больше пустяк, чем на суше, – в этом я и вижу поучительное достоинство морских путешествий. В заключение же прямо скажу: на поверхности земли и воды нет ничего хуже пассажиров.

– Для бездельника – везде скучно, а на морях скука особенно ядовита, пассажиры

же, по натуре своей, все – бездельники. От скуки они даже сами себя теряют до того, что, несмотря на высокий чин, ордена, богатство и прочие отличия, обращаются с кочегаром как с равным себе; я самолично наблюдал такой случай. Как собаки на овсянку, бросаются они к бортам наслаждаться окрестностями чужих берегов. Пожалуйста, наслаждайся, но – не суетись! Однако у них немедленно начинается топот ног и разногласие: "Ах, смотрите, ах, поглядите". Между прочим – смотреть не на что: всё вполне обыкновенно – земля, постройки, люди меньше мышей. И всегда, в этот час, разыгрывается какая-нибудь несчастная случайность: в Александрии проклятая горничная растяпала у меня драхмовую склянку ацидум карбоникум (т.е. склянку с одной дозой углекислоты – Ред.), конечно запах по всему первому классу (здесь – ошибка: углекислота не пахнет. По-видимому, в склянке был фенол углекислоты ("карболка") – антисептическое средство – Ред.), помощник капитана обрушил на меня такие слова, что какая-то дама, в раздражении чувств, подала жалобу капитану, но, по ошибке, тоже на меня. Или, например: прицелило девочке палец амбулаторной дверью, а папаша её тычет мне палкой в селезёнку, потому что он дипломат. И всё в этом роде: неожиданно и глупо.

– Кратко говоря – на этом земноводном шаре я не видел ничего необыкновенного; везде одинаково оскорбляют и словом и действием; особенно прилежно на азиатском полушарии, но и на других тоже. Два полушария, говорите? Я считаю это ошибкой умозрения: если, взглянув на дело строго практически, резать этот шар наш по линии любого градуса от полюсов, то мы обязательно получим столько полушариев, сколько имеем градусов, а можно и больше. Дайте папироску!

Закурив, прищурясь, он сказал:

– Курить не следовало бы, перепел дыма не любит.

И продолжал спокойно, вполголоса:

– Изредка бывают случайности интересные, но для спокойствия души лучше, чтоб их не было. Например: в Китайском море, – есть и такое, хотя от других морей ничем не отличается, – так вот: идём мы этим самозванным морем в Гонконг с большим опозданием, и ночью, в кромешной тьме, замечен был вахтой необыкновенный огонь. Я, младший помощник капитана, боцман и буфетчик играли в преферанс, вдруг слышим:

– "Пожар на море..."

– Конечно – пошли смотреть, даже не доиграв пульку. Когда люди находятся в долгом плавании, то всякие пустяки возбуждают их интерес, даже на дельфинов смотрят с удовольствием, хотя несъедобная рыба эта похожа на свинью, в чём и заключается весь комизм случая. Итак – наблюдаю: обыкновенная, душная ночь, жирно, точно в бане, небеса покрыты чёрным войлоком и такие же мохнатые, как это море. Разумеется – кромешная тьма, далеко от нас цветисто пылает небольшой костёрчик и так, знаете, воткнулся остриями огней и в небо и в море, оцетинился, как, примерно, ёж, но большой, с барана. Трепещет и усиливается. Не очень интересно, к тому же мне в картах везло.

– У людей, как я заметил, есть эдакое идольское пристрастие к огню. Вы тоже знаете, что высокаторжественные царские дни, именины, свадьбы и другие мотивчики человеческих праздников – исключая похороны – сохраняются иллюминациями, игрою с огнём. Также и богослужения, но тут уже и похороны надо присоединить. Мальчишки даже и летом любят жечь костры, за что следует мальчишек без пощады пороть во избежание губительных лесных пожаров. В общем скажу, что пожар – зрелище, любезное каждому, и все люди стремглав летят на огонь, подобно бабочкам ночным. Бедному приятно, когда богатый горит, и у всякого зрячего человека есть своё тяготение к огню, это известно.

– Пассажиры выметнулись на палубу и, наслаждаясь зрелищем, ведут лёгкий спор: что горит? Как будто им неизвестна очевидность – в море могут гореть только суда различных наименований; среди таких обширных вод все другие человеческие постройки невозможны, как это понятно даже и глухонемому ребёнку. Удивительно, что пассажиры не понимают простого: обилие лишних слов не может способствовать рассеянию скуки жизни.

– Ну-у, я скромно слушаю оживлённый разговор заинтересованных зрелищем, и – вдруг женский возглас:

- "Но ведь там должны быть люди!"

- Я даже усмехнулся: какое легкомыслие! Само собою понятно, что ни одно судно не может выйти в море без людей, а она только сейчас догадалась об этом. И снова кричит:

- "Их нужно спасти!"

- Начался спор: одни соглашались - нужно, другие, поделовитее, указывают, что мы и без этого идём с опозданием. Но дама оказалась женщиной навязчивой и бойкой, - после я узнал, что она ехала из Карса в Японию, к сестре, которая была замужем при посольстве, а также по причине туберкулёза лёгких, - так, говорю, оказалась она весьма назойливой, - требует спасения погибающих людей и подбивает пассажиров послать капитану депутацию просить его о помощи горящему судну. Ей основательно возражают, что, может быть, судно китайское и люди на нём - тоже китайцы, но это нисколько не успокоило её, наоборот: истерическим визгом она довела каких-то троих до того, что они отправились просить капитана и, хотя он опирался на опоздание, доказали ему, что будто есть морской закон о подаче помощи в несчастиях, и даже пригрозили составить протокол.

- К полному торжеству забияки, капитан изменил курс, и потёпали мы по мохнатому морю, по кочкам волн, в кромешную тьму, на огонь этот. Команда, сердчая, трудится, готовясь спустить шлюпки; подъехали мы близко, видим: горит дрянненькое китайское судёнышко о двух мачтах, около него ныряют две лодочки с людьми, орут люди, воют, а на горящем судне, на носу его, стоит высокий, тонкий человек; стоит и стоит. Огонь польщит совершенно серьёзно, корма уже вся в огне, мачты - как свечи, даже на кубрике хлещет пламя, а человечек этот точно часовой - недвижим. Видно его очень прозрачно.

- Наша команда приняла людей из лодки, - было их семь человек, из другой лодки трое, от преждевременного страха, бросились в воду, все утонули. Спасённые объявили, что на судне остался хозяин их и желает погибнуть вместе с имуществом. Матросы наши очень звали его: "прыгай, чёрт, в воду!" Но - ведь не арканом же его тащить? Возиться с его упрямством было некогда, капитан пронзительно свистит. В самые те минуты, когда огонь охватил носовую часть судна, видел я очень прозрачно, как этот азиат запрыгал, вдруг весь вспыхнул огнём, схватился за голову руками и нырнул в огнище, словно в омут.

- Но суть случая, конечно, не в поведении китайца, народ этот совершенно равнодушен к себе по причине своей многочисленности и тесноты населения; они даже до того дошли, что в случаях особо заметного избытка людей жеребий бросают: кому умирать? И жеребьёвые умирают вполне честно. Когда же у них в семье родится вторая девочка, так её швыряют в реку; больше одной девицы на семью не выносят они.

- Но суть, говорю, не в них, а в поведении чахоточной этой дамы, кричит она капитану, почему он не приказал погасить огонь на судне? Он ей внушает:

- "Сударыня, я не пожарный!"

- А она кричит:

- "Но ведь погиб человек!"

Ей объясняют, что это очень обыкновенный случай даже и на суше, а она - своё:

- "Знаете ли вы, что такое человек?"

- Конечно, - все насмешливо улыбаются.

- А они, как собачка комнатная, прыгает на всех и верещит:

- "Человек, человек..."

- Зрители, обижаясь, отходят от неё, тут она - к борту и плакать. Подошёл к ней один сановник, так сказать - вельможа, - забыл я имя его! - и внушительно предложил успокоиться:

- "Сделано, - сказал, - всё, что можно было сделать..."
- Но она с ним обошлась невежливо. Тогда я говорю ей совершенно почтительно:
- "Сударыня, позвольте предложить вам валерьяновых капель..."
- Она, не глядя на меня, шепчет:
- "О, идиоты..."
- Признаюсь, что, несмотря на мою скромность, это обидело меня. Но всё же как можно деликатнее говорю:
- "Сударыня, скандал, вызванный благородством вашего сердца, возмущает и моё..."
- Но и деликатность мою отвергла она, - кричит стремительно прямо в нос мне:
- "Уйдите прочь..."
- Ну, тут я, разумеется, отошёл, великодушно оставив пред нею рюмку с эфирно-валериановыми каплями. Встал в сторонку, слушаю, как она сморкается, хлюпает. Стою и чувствую: есть что-то очень обидное для меня в этих слезах о неизвестном китайце. Не может же быть, чтобы она всегда искренно плакала обо всех погибающих на её глазах от разных причин. В Сингапуре сотни индейцев от голода издыхали, - никто из наших пассажиров слёз не проливал. Положим, это - чужой народ, но однако на моих глазах десятки наших, русских, матросов, портовых рабочих и других людей рвало, ломало, давило при полном равнодушии пассажиров, если не считать страха и содрогания нервов, от непривычки видеть обильную кровь.
- Думал я, думал по поводу этого случая с женщиной, неприятно много думал, но так ничего и не решил...

Винокуров подёргал свои усы, прислушался, потом сердито сказал:

- Подозреваю в этом поступке бесполезность.

Ночь. В мутно-синем небе тусклые звёзды. Обломок луны куда-то исчез. Низенькая, тощая ель, недалеко от нас, потемнев, стала похожа на монаха.

Саша Винокуров предлагает идти в сторожку лесника и там подождать до рассвета, когда проснутся перепела. Идём. Тяжело шагая по мокрой траве, он внятно говорит:

- Когда очень горячо - не разберёшь: солоно ли?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!